

вполне правомерен, но дело в том, что время разрушения южного участка обороны не может быть установлено с достаточной точностью. Прекращение функционирования этого участка обороны определяется, исходя из принципа абсолютной несовместимости одновременного существования оборонительных сооружений и находящихся на этом же участке, впереди крепостных стен, пещерных комплексов, церквей, часовен и усыпальниц. Все эти наземные и подземные сооружения возникли после гибели крепости, а следовательно, время возникновения всех этих сооружений дает *terminus ante quem* разрушения обороны. Однако находки, позволяющие датировать названные памятники, крайне немногочисленны. В основном это вещи из усыпальниц и могил. Хуже всего, что дата самих этих вещей достаточно неопределенна, в лучшем случае, время их бытования определяется VIII—X вв., т. е. тремя столетиями¹⁰. Датировка стеклянных браслетов, которым Е. В. Веймарн придает особое значение, также достаточно широка: не ранее конца IX в. и вплоть до позднего средневековья. Следовательно, имеющийся в настоящее время в распоряжении археологов материал определяет время разрушения Эски-Керменской крепости в весьма широких пределах: оно имело место, очевидно, не позднее X в.; дата, принятая Е. В. Веймарном (конец VIII в.), не может быть достаточно строго обоснована.

Таким образом, данные, которыми располагают сейчас исследователи, в том числе и материал из Эски-Кермена, подвергавшегося, в отличие от большинства других городищ и поселений Юго-Западной Таврики, раскопкам, не дают пока возможности выявить ни хронологические вехи, ни существенные этапы развития феодальных отношений в этом районе Крыма.

Мы остановились более или менее подробно на концепции Е. В. Веймарна потому, что при рассмотрении его взглядов выявляются вместе с тем и те недостатки, которые в той или иной степени свойственны и некоторым другим работам, затрагивающим вопросы социально-экономической истории Таврики.

Опубликованные в последнее время исследования А. Л. Якобсона внесли весьма ценный вклад в разработку коренных проблем истории средневековой Таврики¹¹. В его работах рассматриваются важнейшие стороны социально-экономической, политической и этнической истории Таврики и предлагаются решения многих существенных вопросов, насколько они вообще могут быть решены при современном уровне наших знаний и количестве накопленного материала. Взгляды автора в своей совокупности образуют последовательную концепцию развития населения Таврики в эпоху раннего средневековья.

Здесь нас, однако, интересует лишь точка зрения А. Л. Якобсона по затронутым в его работах вопросам экономического и социального строя Таврики. Автор правильно отмечает, что в начале средневековья, после падения Боспора, экономическим центром края стал Херсон. В экономике этого города важнейшее значение приобрели торговые связи с окружающим земледельческим населением и припонтийскими степняками. Очень важным является положение о тесной зависимости между экономическим состоянием Херсона и общей экономической и политической ситуаций в Таврике. Весьма плодотворной является и точка зрения А. Л. Якобсона

¹⁰ Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 118.

¹¹ А. Л. Якобсон. Города Северного Причерноморья в V—IX вв. В кн.: «Очерки истории СССР. III—IX вв.». М., 1958, стр. 537—551; е г о ж е. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, 85, М.—Л., 1958, стр. 458—501.